

Стратегии выживания московских ополченцев в окружении и на оккупированной территории осенью—зимой 1941—1942 гг.

Константин Дроздов

Survival strategies of the Moscow militia encircled and in the occupied territory in the autumn—winter of 1941—1942

Konstantin Drozdov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23030057, EDN: EPRNSG

Если о формировании и участии в боевых действиях дивизий московского народного ополчения советские и российские историки писали давно и достаточно подробно¹, то о том, как бывшие ополченцы выживали осенью—зимой 1941—1942 гг., выходя из окружения, проживая на оккупированной врагом территории, долгие годы предпочитали не вспоминать и открыто заговорили лишь в период перестройки. Уже в постсоветскую эпоху увидело свет достаточно много откровенных воспоминаний оставшихся в живых ополченцев, которые, как правило, были записаны ими спустя десятилетия².

В настоящее время в отечественной историографии, посвящённой проблемам истории повседневности в годы Великой Отечественной войны, достаточно активно используется методологический подход, связанный с описанием и анализом индивидуальных и коллективных стратегий выживания в экстремальных условиях войны как всего населения того или иного региона Советского

© 2023 г. К.С. Дроздов

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00637, <https://rscf.ru/project/23-28-00637/>

¹ См., например: Колесник А.Д. Народное ополчение городов-героев. М., 1974; Колесник А.Д. Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988; Народное ополчение защищает Родину. М., 1990; Климанов В.В. С собой заслонили Москву: подвиг 17-й стрелковой дивизии народного ополчения. М., 2005; Кириллов А.А. Дивизия героев: от Москвы до Эльбы: боевой путь 21-й дивизии народного ополчения Москвы. Петрозаводск, 2016; Бирюков В.К. Добровольцы-москвичи на защите Отечества. 3-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия в годы Великой Отечественной войны. М., 2017; Разин С.А. Мобилизация и московское народное ополчение. 13 дней Ростокинской дивизии. 1941. М., 2023; Будницкий О.В. Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. № 3. С. 3—20. На мой взгляд, в статье Будницкого даётся наиболее взвешенный и аргументированный анализ причин создания московских дивизий народного ополчения (ДНО) в начале войны.

² См., например: Гордон А.Е. Московское ополчение 1941 года глазами участника // Отечественная история. 2001. № 3. С. 158—163; Шимкевич В. Судьба московского ополченца. Фронт, окружение, плен. 1941—1945. М., 2008; Рунин Б. Записки случайно уцелевшего. М., 2010; Зылев Б., Дарков А. В вяземском окружении. Воспоминания бойцов 6-й дивизии народного ополчения. 1941—1942. М., 2020; Головин И.Н. Сто дней в ополчении (URL: <http://www.famhist.ru/famhist/golovin/0004b520.htm>); и др.

Союза³, так и отдельных его социальных⁴ и этноконфессиональных групп⁵. При этом все авторы исходят из того, что стратегии выживания населения в период войны связаны с необходимостью физического самосохранения: это поиск необходимого человеку пищевого рациона, обеспечение его кровом и одеждой⁶.

А.Э. Ларионов отметил, что «жизнь в окружениях различного масштаба стала одной из констант повседневной жизни РККА в первом периоде войны, в которую оказались вовлечены несколько миллионов человек военнослужащих»⁷. Окружение — по определению ситуация экстремальная, при которой неизбежно нарушается нормальный уклад армии. Важнейшей чертой пребывания в окружении была «изолированность от главных сил своих войск и, как неизбежное следствие — отсутствие устойчивого снабжения, связи с высшим командованием, достоверной информации об оперативной обстановке»⁸. Чем дольше находились люди в окружении, тем большим трансформациям подвергались взаимоотношения между ними, определяемые в нормальных условиях военными уставами (иерархия и субординация). Ларионов подчеркнул, что поведение окруженцев в условиях массовой гибели командиров и политработников способствовало «дрейфу армейских подразделений в сторону неуправляемой толпы, охваченной паническим стремлением выжить»⁹.

Специальных исследований, посвящённых стратегиям выживания московских ополченцев, в отечественной историографии пока не имеется. Многие современные авторы, которые по крупицам восстанавливают историю боевых действий ополченческих дивизий в вяземской оборонительной операции 2–13 октября 1941 г., в той или иной степени касаются и проблемы их выживания в условиях окружения и прорыва из него¹⁰. Однако следует признать, что до сих пор данная тема остаётся слабо изученной, прежде всего из-за малочисленности, либо вообще отсутствия архивных источников. Данная статья является одной из первых попыток преодолеть эту «зону молчания».

³ См., например: *Хатанзейская Е.В.* Советский город в экстремальной повседневности. Архангельск в эпоху индустриализации и Второй мировой войны 1929–1945 гг. М., 2021. С. 213–227; *Селянинова Г.Д.* «Имея пропитание, и одежду, и кров, удовлетворимся этим» // *Технологос*. 2020. № 3. С. 134–144.

⁴ См., например: *Шадрин А.В.* Стратегии выживания православного духовенства Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4. Т. 23. 2018. № 1. С. 77–87.

⁵ См., например: *Ряброва И.* Стратегии выживания и причины (само)спасения евреев во время Холокоста: тематизация и саморефлексия life-story (на материалах Юга России) // *Труды по еврейской истории и культуре. Материалы XXIII международной ежегодной конференции по иудаике*. М., 2017. С. 227–243.

⁶ *Селянинова Г.Д.* «Имея пропитание, и одежду, и кров, удовлетворимся этим». С. 135, 136.

⁷ *Ларионов А.Э.* Повседневная жизнь советских окруженцев в «котлах» 1941–1942 // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2010. № 2. С. 46–53.

⁸ Там же. С. 49.

⁹ Там же. С. 49, 50.

¹⁰ См., например: *Лопуховский Л.Н.* Вяземская оборонительная операция (2–13 октября 1941 г.). Ход боевых действий и причины поражения // *Московские дивизии народного ополчения в Вяземской оборонительной операции октября 1941 г.* (Материалы межрегиональной научно-практической конференции). Вязьма, 2016. С. 13–58; *Михайлов И.Г.* Пропавшая без вести армия // *Московские дивизии народного ополчения...* С. 74–125; *Баранов А.В.* Новые данные о действиях 2-й дивизии народного ополчения при прорыве из окружения // *Московские дивизии народного ополчения...* С. 126–147; *Климанов В.В.* 17-я дивизия народного ополчения Москворецкого района Москвы // *Московские дивизии народного ополчения...* С. 148–154; и др.

Под стратегиями выживания московских ополченцев понимается модель поведения и комплекс первоочередных неотложных действий в экстремальных условиях окружения и прорыва из него, которые были нацелены на сохранение их жизней и удовлетворение базовых потребностей в еде, крове, гражданской одежде.

Как уже отмечалось, источниковая база по истории московских ДНО довольно узка из-за трагической судьбы самих дивизий. Однако мне удалось обнаружить интересный комплекс источников личного происхождения, который, наряду с послевоенными мемуарами и воспоминаниями, позволяет современным исследователям подробно изучить и проанализировать основные стратегии выживания бывших ополченцев в период их нахождения в окружении и на оккупированной территории осенью–зимой 1941–1942 гг. Речь идёт о материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны при президиуме АН СССР под руководством И.И. Минца (комиссия Минца)¹¹, хранящихся в Научном архиве Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Среди тысяч документов комиссии за 1942–1948 гг. сохранился большой массив интервью («стенограмм бесед») с теми, кто воевал тогда в дивизиях народного ополчения под Москвой и выбрался из вяземского котла. Обратимся к этим уникальным документам, а также к опубликованным воспоминаниям, чтобы попытаться реконструировать и описать модели поведения, характерные для большинства бойцов, командиров и политработников ополченческих дивизий, ежедневно подвергавшихся опасности быть убитыми или захваченными в плен.

В начале октября 1941 г., когда началось немецкое наступление на Москву, практически все ополченческие дивизии летнего формирования, к этому времени переформированные в стрелковые дивизии, оказались на направлении главного удара Вермахта. Они попали либо в полное окружение (дивизии, входившие в состав 24-й и 32-й армий), либо в полуокружение (дивизии в составе 43-й и 33-й армий)¹².

В результате 2, 8, 29, 139, 140-я стрелковые дивизии пришлось расформировать ввиду невосполнимых потерь. Военные подразделения, которым удалось избежать полного разгрома и окружения, также понесли огромные потери. Например, численность 17-й стрелковой дивизии (бывшая 17-я дивизия народного ополчения Москворецкого района) на 12 октября 1941 г. составляла всего 483 человека, а 60-й стрелковой дивизии (бывшая 1-я дивизия народного

¹¹ Подробнее о комиссии и её деятельности см.: Вклад учёных-историков в сохранение исторической памяти о войне: на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. М.; СПб., 2015; *Budnitskii O. A Harvard Project in Reverse. Materials of the Commission of the USSR Academy of Sciences of the History of the Great Patriotic War – Publications and Interpretations // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 19. 2018. № 1. P. 175–202; и др.*

¹² 22 ноября 1966 г. на конференции, посвящённой 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, Г.К. Жуков вспоминал: «Особенно невыгодное для нас соотношение было создано на участке Резервного фронта, где противник наносил один из главных ударов. Этот удар пришёлся по 24-й и 43-й армиям Резервного фронта... Западный, Резервный и Брянский фронты понесли большие потери. В период со 2 по 10 октября Западный и Резервный фронты, по существу, перестали существовать. Была окружена [в районе Вязьмы] значительная часть войск этих фронтов, и кроме окружённых войск были сильно потрепаны 30, 43 и 33-я армии, которые, понеся значительные потери, не имели возможности вести организованное сопротивление» (Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горинев, В.Н. Пархачёв, А.Н. Пономарёв. М., 2001. С. 180).

ополчения Ленинского района) – 669 человек¹³. Уцелевшие остатки семи дивизий народного ополчения были в короткий срок заново переформированы, пополнены новым личным составом и вновь направлены на фронт под Москву, сохранив при этом прежнюю нумерацию.

Те из ополченцев, кто в составе небольших групп решили прорываться из окружения на восток, по направлению к Москве, интуитивно понимали, что более или менее безопасное продвижение возможно лишь ночью, а днём следует отдыхать и набираться сил. По возможности, двигаться следовало по грунтовым сельским дорогам, через леса и перелески, оставляя в стороне крупные населённые пункты и шоссе. А.П. Смирнов (1899–1974), ополченец 1-й ДНО Ленинского района, в интервью сотрудникам комиссии Минца обращал внимание именно на этот факт: «Мы шли лесами. Открытые пространства и дороги мы пересекали ночью, а днём отсиживались в глубине лесов. Первоначально лесов было довольно значительное количество, и идти было легко... Мы прошли до реки Угры, переправились через эту реку приблизительно числа 9–10 октября. Разделись и в холодной воде прошли. С одним из наших бойцов случилось несчастье. Он уронил плащ-палатку со всем имуществом в воду и вылез нагишом, но мы ему кое-что собрали. Первый раз в жизни я выпил после этого холода одеколона, чтобы не простудиться»¹⁴. Об этом же рассказывал и его однополчанин П.Г. Рындзюнский (1909–1993): «Шли мы по ночам... Мы подошли к шоссе. По нему двигались на мотоциклах немцы, мы побоялись его пересекать днём. Легли вблизи него. В это время выпал первый ранний снег, мы заснули, и, когда я проснулся, у меня в ботинке был лёд. (Когда до этого Рындзюнский по мосту переходил реку, то попал в воду и промочил ногу. – Д.К.). Тут я отморозил ногу»¹⁵. Такое же, характерное для окруженцев поведение описывают в своих послевоенных воспоминаниях Б.М. Рунин (1912–1994) из 8-й ДНО Краснопресненского района¹⁶, Б.В. Зылев (1916–2004) из 6-й ДНО Дзержинского района¹⁷ и А.Е. Гордон (1918–2010) из 5-й ДНО Фрунзенского района¹⁸.

Чтобы остаться в живых, ополченцам необходима была постоянная помощь местных жителей, успешная коммуникация с населением, в основном женским. Как свидетельствуют в стенограммах бесед сами ополченцы, в большинстве случаев колхозники и крестьяне Смоленской и Московской областей не воспринимали бойцов и командиров РККА как чужих и всячески им помогали. Рындзюнский вспоминал: «В деревнях меня очень хорошо принимали, в одной деревне накормили большим куском мяса, в другой деревне я ночевал, и там меня накормили. За всё время крестьяне принимали исключительно хорошо, на всём протяжении дороги было исключительное отношение и не только ко мне, но вообще к человеку в красноармейской форме, они буквально нас спасали, не отказывали в ночлеге и пище и даже сами предлагали... Я ходил по избам и просил, кто что даст. Пробовал я из промёрзшей земли выкапывать

¹³ Цит. по: *Разин С.А.* Мобилизация и московское народное ополчение. 13 дней Ростокинской дивизии. 1941 г. М., 2023. С. 170.

¹⁴ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 69, д. 28, л. 5.

¹⁵ Там же, д. 27, л. 6 об.

¹⁶ *Рунин Б.* Указ. соч. С. 12, 16–17.

¹⁷ *Зылев Б., Дарков А.* Указ. соч. С. 102, 104.

¹⁸ *Гордон А.Е.* Указ. соч. С. 162.

кормовую свёклу, и некоторое время я питался больше свёклою. Крестьяне мне давали, кто что мог — кто блин, кто пирожок, а кто просто кусочек хлеба»¹⁹.

Схожие воспоминания остались и у Смирнова: «Крестьяне нас снабжали и, вообще, так тепло к нам относились в Смоленщине, что сказать трудно. Везде мы находили себе кусок хлеба. В деревнях организовался своеобразный актив проводников. Спросишь, куда идти, и тебе укажут, куда обратиться, чтобы узнать точное направление. Указывали даже, куда можно зайти подкормиться, где лучше можно устроиться на ночлег. Надо сказать, что по этим деревням проходили сотни тысяч людей. И для всех находился кусок хлеба. Там я понял, что значит народная война. Мы не были одиноки и всюду видели тёплое отношение. Я помню один только случай, когда в каком-то доме нам отказали, но и то мы потом узнали, что это бывшие кулаки. На смоленской земле больше такого случая не встречалось»²⁰.

О том же свидетельствовал и ополченец 9-й ДНО Кировского района М.М. Рыбаков (1891–1969): «По дороге колхозное население к нам относилось исключительно хорошо: помогали хлебом, молоком и картошкой, показывали направление. Своевременно предупреждали, где были поблизости немцы, и сопровождали. Один старичок 65 лет нас сопровождал 20 км. Провёл через деревни, которые не заняты были противником, обходя ближние деревни, где находились немцы»²¹.

Однако договориться с хозяевами о еде и ночлеге удавалось далеко не всегда, и красноармейцы вынуждены были скитаться голодными. Вот пример такого эпизода, участником которого стал ополченец Смирнов: «Вспоминаю, как одна старушка, к которой мы подошли с невинной просьбой дать нам воды, вдруг со злостью нам сказала: “Проходи, проходи! 24 года процарствовали и будет, довольно”! Такое враждебное отношение бросалось в глаза в Московской области. Той теплоты, искренности и поддержки, которые были в Смоленской области, здесь мы не находили»²². Но, скорее, такие случаи были все же исключением. Наоборот, местное население всячески стремилось помочь красноармейцам, оказавшимся в смертельной опасности на оккупированной территории²³.

Ещё одной спасительной мерой, которая должна была способствовать выживанию, стала замена военного обмундирования на гражданскую одежду. Чтобы не попасть в плен, требовалось немедленно сменить красноармейские шинели и пилотки на одежду колхозника. Так, например, А.В. Дарков с благодарностью вспоминал колхозника Зайцева, отца шестерых маленьких детей, который, тем не менее, «сменял мне мою шинель на тужурку с меховой под-

¹⁹ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 69, д. 27, л. 7, 9–10.

²⁰ Там же, д. 28, л. 5 об.

²¹ Там же, оп. 70, д. 2, л. 2. Фрагмент этой стенограммы был впервые опубликован в сборнике документов: Москва прифронтовая... С. 187. О помощи продуктами питания и одеждой со стороны колхозников ополченцам, оказавшимся в окружении, см. также: *Рунин Б.* Указ. соч. С. 26; *Зылев Б., Дарков А.* Указ. соч. С. 103–104, 113–114, 173; *Дунаевский В.А.* «О прошедшем» (июнь 1993 г.) // Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 286.

²² НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 69, д. 28, л. 6. См. также: *Головин И.Н.* Сто дней в ополчении. См. главу «Один, выход из окружения» (URL: <http://www.famhist.ru/famhist/golovin/000354dd.htm>).

²³ См., например, стенограмму беседы с А.В. Дарковым от 8 апреля 1943 г.: НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 41, д. 3, л. 22, 24. Фрагмент этой стенограммы был впервые опубликован в книге: Москва прифронтовая... С. 191–196.

кладкой»²⁴. Такая трансформация внешнего облика давала возможность ополченцам относительно безопасно передвигаться по сельским дорогам и днём. Тем самым восстанавливался и привычный режим отдыха и сна²⁵.

Вынужденное уничтожение личных документов ополченцами также следует рассматривать в качестве необходимого средства их выживания при выходе из окружения и проживании на оккупированной территории²⁶. Понимая, что одним из способов спасения могут стать фальшивые документы, ополченцы просили представителей местной власти выдать им подложные справки о работе в их колхозе, и колхозники оформляли такого рода документы²⁷.

Повседневная жизнь ополченцев на оккупированной территории была полна опасностей. Очень часто их спасали местные крестьяне, выдавая за своих родственников или знакомых. Так, Рындзюнский вспоминал: «Я был уже одет в гражданское, но внизу под гражданской одеждой была моя красноармейская. Они (немцы. — *К.Д.*) схватили меня, начали осматривать, выяснили, что внизу красноармейская одежда, назвали меня партизаном. Там с переводчиком разговаривал какой-то штабной офицер. Я сказал, что я из этой деревни, сослался на мою знакомую, и, благодаря этому, он меня отпустил. Перед этим меня спасли ещё крестьяне. Когда они меня задержали в охране, я сделал вид, что я не понял, что они меня задерживают, и со спокойным видом вышел из избы. И вдруг слышу женский крик за собой. Я оглянулся и увидел, что немец вскинул винтовку и хотел стрелять в меня. Женщина спасла меня, сказала, что я здешний и даже показала, что у меня “цвай киндер” (два ребёнка. — *К.Д.*)»²⁸. Свидетелем похожей ситуации стал и Дарков, когда он прятался по колхозным домам от немцев. Красноармейца спасла женщина, назвав себя его матерью²⁹.

Существенных отличий в стратегиях выживания бывших ополченцев и других красноармейцев, оказавшихся в окружении под Вязьмой, не было. На практике эти стратегии являлись универсальными в сложившихся обстоятельствах, их использовали и другие советские военнослужащие, в том числе и кадровые офицеры РККА. Достаточно заглянуть в воспоминания генерал-лейтенанта И.А. Толконюка (1913–1995). В середине октября 1941 г. капитан Толконюк, служивший в оперативном отделе штаба 19-й армии генерала М.Ф. Лукина, прорывался из вяземского окружения на восток с группой бойцов и командиров численностью около 280 человек. Вот что он пишет: «По открытой местности шли ночами, отсиживаясь днём в каком-либо укрытии. Лесами шли и днём. В первые дни удавалось заходить в не занятые немцами сёла и запастись продовольствием. Потом свободных от противника населённых пунктов становилось всё меньше и меньше; наконец их вовсе не стало... В населённых пунктах, как правило, ночевать не приходилось. Отдыхали в лесу, изловчившись, когда позволяла обстановка, разводили костры в любую погоду. Добывать пропитание стало трудно, а порой и вообще невозможно. Стал преследовать голод»³⁰. Как видим, здесь та же стратегия выживания — передвижение ночью, через леса, по глухим дорогам, в стороне от населённых пунктов, занятых противником.

²⁴ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 41, д. 3, л. 19.

²⁵ Рунин Б. Указ. соч. С. 23, 27–28.

²⁶ Зылев Б., Дарков А. Указ. соч. С. 110; Рунин Б. Указ. соч. С. 22.

²⁷ См.: Зылев Б., Дарков А. Указ. соч. С. 170.

²⁸ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. I, оп. 69, д. 27, л. 10.

²⁹ Там же, оп. 41, д. 3, л. 21.

³⁰ См.: Толконюк И.А. Раны заживают медленно. Записки штабного офицера. М., 2017. С. 208–209.

Как и в случае с ополченцами, продукты питания, укрытия от непогоды и холода, безопасный ночлег в сельском доме могли предоставить группе Толконюка только местные жители, с которыми необходимо было договариваться. В противном случае был риск, что крестьяне донесут о красноармейцах, оказавшихся в их селе, немцам. Так случилось, например, в с. Форово, когда «одна женщина, у которой наши солдаты самовольно зарезали поросёнка, ночью сбежала к немцам и сообщила им о нас, чтобы отомстить». В отличие от рассказов ополченцев, воспоминания Толконюка свидетельствуют, скорее, о настороженном, безучастном или нейтральном отношении колхозников к судьбам бойцов и командиров РККА, вышедших из окружения и оказавшихся на оккупированной территории. Толконюку встречались преимущественно женщины и подростки, и «все они, за малым исключением, казались неразговорчивыми, отвечали на вопросы нехотя и односложно. Их скудная информация была путаной и противоречивой. На вопрос, как бы связаться с партизанами, они неизменно делали удивлённое лицо и говорили, что ничего не слышали и ничего не знают. Бойцов Красной армии они называли “ваши”, а немцев — “они”»³¹.

Толконюк был кадровым военным, коммунистом, человеком с обострённым чувством справедливости, верным присяге и солдатскому долгу. Как один из старших офицеров, который имел карту местности и компас, он руководил движением всей группы. При этом он выходил из окружения с оружием в руках, в советской военной форме, сохранив знаки различия и партийные документы. Но такое образцовое поведение было характерно далеко не для всех кадровых офицеров, что уж говорить о рядовых бойцах, оказавшихся в экстремальной ситуации окружения. Чтобы избежать плена, многие красноармейцы стремились сменить военное обмундирование на гражданскую одежду, передвигаться без оружия и документов. Как вспоминает Толконюк, однажды к их лесному костру вышла группа военнослужащих во главе с полковником К. Люди были одеты в штатскую одежду, при них не было ни оружия, ни документов. Они стали «настойчиво советовать нам последовать их примеру: уничтожить документы, бросить оружие, переодеться в гражданское и, выдавая себя за невоеннослужащих, идти в более безопасной обстановке»³².

Но даже успешный выход из немецкого окружения и переход через линию фронта в расположение своих частей не гарантировал ополченцам безопасность. Зачастую советское командование рассматривало окруженцев как потенциальных шпионов и диверсантов противника. Впереди их ждала проверка в особых отделах НКВД, которая могла закончиться отправкой уже в советский лагерь³³.

Поздней осенью 1941 г. возвращение окруженцев стало обыденностью для москвичей. Многие жёны ждали своих мужей, и некоторым выпадало такое счастье, когда после двух месяцев полной безвестности мужчина неожиданно приходил домой. «Вчера врач Пуриц сообщила по телефону, что прибыл её муж, который вырвался из немецкого окружения под Вязьмой. Она не имела от него никаких известий около 2-х месяцев. И он пришёл... А что же сказать мне о Серго? Прошёл сентябрь, октябрь и кончается ноябрь, а я в полном неведении. Где он, где?... Те, кто попадал в окружение, давно уже вернулись. О нём ни слуху, ни духу», — записала в своём дневнике 23 ноября 1941 г. врач район-

³¹ Там же. С. 217, 223.

³² Там же. С. 216.

³³ См.: Гордон А.Е. Указ. соч. С. 162. О сборном пункте для вышедших из окружения см.: Рунин Б. Указ. соч. С. 33–34.

ной поликлиники Е. Сахарова³⁴. Но лишь отдельные счастливицы, вырвавшись из окружения и пройдя сотни километров по оккупированной противником территории, смогли пройти проверку и вернуться в Москву. Основная же масса ополченцев либо погибла, либо попала в немецкий плен³⁵.

Уцелевшие остатки семи дивизий ополчения ещё в ходе Московской битвы были полностью переформированы за счёт других воинских частей, прибывавшего пополнения, а также вышедших из окружения. «После вяземского прорыва, когда части Красной армии под напором численно превосходившего противника отходили к Москве, дивизия, сохранив свои основные кадры, вошла в район Звенигорода и здесь по приказу командования была направлена на переформирование. В одном из санаториев, где до войны отдыхали советские учёные, в такой сугубо мирной обстановке, закипела напряжённая военная жизнь — формировалась дивизия. День и ночь по дорожкам старинного парка шагали группы бойцов и командиров. Там и тут составлялись списки, формировались подразделения и части. Автомобили подвозили обмундирование, вооружение, боевые припасы. Напряжённо работал аппарат управления. На базе бывшей ополченческой дивизии создавалась 18-я стрелковая дивизия регулярной Красной армии», — сообщал в беседе сотрудникам комиссии Минца заместитель ответственного редактора дивизионной газеты «За Родину» 18-й ДНО Ленинградского района старший политрук С.Е. Гарбузов (1908–1962)³⁶.

Комиссар штаба 9-й ДНО Кировского района В.М. Нехаев (1898–?) вспоминал: «В ожесточённых боях мы прорвали кольцо окружения в районе южнее Вязьмы и 18/Х подошли к Можайску, влились в 5 армию. Всего я вывел 522 чел[овек], бойцы и командиры Кирдивизии»³⁷. Схожим образом выход ополченцев из окружения описывал комиссар 3-го батальона 1314-го стрелкового полка 17-й ДНО Москворецкого района В.Е. Филиппов (1901–?): «Когда мы прибыли в Можайск, нас было около 155 чел[овек] в батальоне. Там был пересыльный пункт, и мы получили назначение в Чернь, кажется. В окружении мы, по существу, не были, отходили. Всё было вразброд, ни одного полка, ни одного батальона. Командир дивизии вышел отдельно, на две недели позднее нас. Он человек 200 вывел»³⁸.

Случилось так, что И.А. Толконюк 30 октября 1941 г. вышел из окружения в расположение частей 33-й армии, а в июне 1942 г. после лечения в госпитале был направлен для прохождения дальнейшей службы в её штаб. Он смог объективно оценить боевой путь 33-й армии, которую называл армией московского народного ополчения: «За полгода жестоких боёв в невероятно тяжёлых условиях соединения и части, созданные из народного ополчения, закалились, возмужали, укрепились в уверенности в свои силы и возможности, обогатились многообразным боевым опытом и во всех отношениях достигли уровня кадровых соединений и частей; они тоже стали кадровыми, и уже не было оснований называть их ополченческими... В штабе армии, штабах родов войск

³⁴ НА ИРИ РАН, ф. 2, разд. IX, оп. 5, д. 16, л. 9, 10.

³⁵ См., например, стенограммы бесед с бывшими ополченцами 13-й ДНО Ростокинского района Н.А. Сусаровым и И.И. Богдановым, которые пережили ужасы немецкого плена: Там же, разд. I, оп. 67, д. 6, л. 3 об.; д. 10, л. 6–6 об.

³⁶ Там же, оп. 30, д. 1, л. 27.

³⁷ Там же, оп. 70, д. 4, л. 1 об.

³⁸ Там же, оп. 68, д. 18, л. 5. Эта стенограмма была впервые опубликована в книге: Москва военная... С. 273–277.

и служб, в штабах соединений и частей было много офицеров и политработников, пришедших из московского народного ополчения, бывших сотрудников правительственных учреждений, центральных управлений, научных и учебных заведений. Все они имели высокое образование, и большинство из них быстро освоило военное дело и успешно справлялось со своими обязанностями»³⁹.

В заключение необходимо ещё раз отметить, что стратегии выживания московских ополченцев в экстремальных условиях немецкого окружения под Вязьмой и выхода из него, а затем проживания на оккупированной территории осенью—зимой 1941—1942 гг. были направлены, прежде всего, на физическое выживание людей. Чтобы сохранить свою жизнь и удовлетворить базовые физические потребности — в еде, безопасном жилище, гражданской одежде, — они должны были изменить своё привычное поведение.

Во-первых, чтобы прорваться из окружения к линии фронта, следовало передвигаться только в ночное время, через лесные массивы и по небольшим грунтовым просёлочным дорогам, обходя стороной шоссе, по которым в это время шла мотопехота противника. В связи с этим отдых и сон у ополченцев происходил, как правило, днём, а не ночью. Во-вторых, необходимо было заручиться поддержкой и помощью местных колхозников-крестьян во время поиска продовольствия и безопасного жилища. В-третьих, нужно было как можно скорее произвести трансформацию своего внешнего вида и поведения — заменить армейское обмундирование на гражданскую одежду, уничтожить подлинные документы и обзавестись фальшивыми справками, сменить имя, придумать новую биографию и т.д. И, наконец, в-четвёртых, следовало использовать возможность проживания у своих настоящих или фиктивных сельских родственников в качестве «приймаков» или «зятков».

При этом стратегии выживания ополченцев вряд ли чем-то отличались от стратегий выживания других окруженцев. Так сложилось, что бывшие ополченцы, как правило, горожане-москвичи, грамотные и образованные, которым посчастливилось выжить после вяземской катастрофы, смогли выразить свои мысли, чувства и переживания по поводу трагических событий осени 1941 г. в дневниковых записях и воспоминаниях, в интервью сотрудникам комиссии Минца. Поэтому их судьбы стали нам известны. Но миллионы бойцов, зачастую малограмотных или вовсе не грамотных, оказавшихся в многочисленных «котлах» первого года войны, так и погибли безвестными.

В полной мере воссоздать индивидуальный опыт выживания московских ополченцев в кризисной ситуации осени 1941 г., а тем более, отразить те чувства и переживания, которыми они жили тогда, наверное, не удастся никому из современных исследователей. Ибо, как справедливо написал бывший ополченец Б.М. Рунин, «только те, кому довелось в сорок первом выходить из окружения в отрыве не только от своей части, но даже от своего подразделения, только такие бедолаги знают, что собой представляла эта ни с чем не сравнимая тоска абсолютной личной автономности. Только они знают, что делает с человеком эта, случайно доставшаяся ему и потому постылая свобода, свобода как осознанная необходимость распорядиться собой на войне по своему усмотрению. Что творится у человека на душе, когда он полностью предоставлен сам себе и должен действовать в условиях такого же полного отсутствия информации»⁴⁰.

³⁹ Толконюк И.А. Указ. соч. С. 240.

⁴⁰ Рунин Б. Указ. соч. С. 12.